

Сгоревший лес ничего, кроме слез и убытков, не несет. Вместе с тем сегодня любой ущерб имущества можно компенсировать, применяя механизмы страховых выплат. Однако лесное хозяйство при серьезных рисках своей работы никак не защищено. В чем дело?

Попытка 5

Попытки страховать леса предпринимались на протяжении 15 лет как минимум раза три, и все они благополучно... проваливались. Почему? «Они срывались в связи с тем, что было общее понимание, что леса страховать нужно, но нет единства во мнениях, – объясняет директор департамента по работе с пищевой и лесной отраслями, сельским хозяйством и торговлей «АльфаСтрахования» Ирина Ануфриева. – Кто будет страховать, кто будет получать возмещение, ну и, конечно, будут ли компенсированы страхователю хотя бы частично расходы на страхование арендованных лесов? До тех пор, пока все стороны не придут к единому ответу на все эти вопросы, перспектива развития этого вида страхования остается туманной». С ней согласен начальник управления корпоративного обслуживания ОСАО «Ингосстрах» Сергей Закройщиков, который считает, что причины срыва объясняются не чьим-то злым умыслом или нежеланием работать, а неготовностью ни страхового рынка, ни государства вводить страховые механизмы при построении новой системы лесных отношений.

А что говорит сам бизнес? «Прошлые попытки провалились, поскольку предлагаемые ранее варианты страхования имели целый ряд существенных недостатков, – отмечает директор по информации и общественным связям группы «Илим» Артем Савко. – Во-первых, не была показана выгода и, соответственно, заинтересованность участия в ней для лесопользователей. Во-вторых, предлагаемые системы страхования не являлись целостными, поскольку предполагали обязательное страхование ответственности только арендаторов, при этом сегодня в аренде находится лишь около 15% от общей площади лесов. Фактически эти предложения носили для бизнеса чисто фискальный характер и были направлены на извлечение дополнительных доходов в бюджет. К собственно страхованию они отношения не имели. Получится ли сейчас, можно будет сказать только после анализа новых предложений».

В начале прошлого года Минсельхоз России (куда тогда еще входил Рослесхоз) был близок к старту пилотного проекта по отработке страховых механизмов в лесу. Вице-президент Союза лесопромышленников и лесозэкспортеров России (СЛЛР) Тимур Иртуганов отмечает, что проект хотели обкатать в нескольких регионах, совсем непохожих друг на друга как по наличию лесных ресурсов, состоянию охраны и защиты лесов, так и по развитости арендных отношений. Предварительно планировалось разработать единую формулу расчета всего механизма, чтобы каждый регион подставлял свои данные, ведь усредненную цифру страхового взноса невозможно предусмотреть. «Краснодарский край, к примеру, малолесной регион, но там растут ценные породы деревьев, – разъясняет Тимур Иртуганов. – А вот в Смоленской области леса больше, но это все мягколиственная древесина, которую непонятно куда девать и что с ней делать. Что касается охраны лесов от пожаров, то здесь тоже в каждом регионе свои особенности. Допустим, в Татарстане большие средства выделяют на лесную охрану и при этом отлично развита инфраструктура, развита сеть лесных дорог – и в результате количество пожаров и площадей, пройденных огнем, минимально. И совершенно иная ситуация в Забайкальском крае, Иркутской области с их огромными площадями лесного фонда и кучей арендаторов. Выходит, что не должен быть единый страховой взнос для разных субъектов РФ, да и страховые компании на это не согласятся – риски совершенно несопоставимые».

В общем, дело существенно продвинулось, но тут случились пожары, все бросились спасать леса, и пилотный проект оставили до времени. «Я тогда сказал страховщикам: хорошо, что проект не заработал, – вспоминает Тимур Иртуганов. – Иначе бы вы потерпели сейчас колоссальные убытки. А они, оказывается, напротив, сожалели, что была упущена возможность показать, что есть действенный метод для того, чтобы люди получили компенсацию. Если бы весной прошлого года мы запустили этот проект и в пожароопасный период сложились прецеденты, то это была бы хорошая база, чтобы на основании пилотного проекта выработать действенный механизм».

Я – плачу?

Главным камнем преткновения на пути страховщика в лес стоит вопрос – кому делать страховые взносы? Лесопользователю, которому важно сохранить ресурс для заготовки? Но, во-первых, сегодня в России, напомним, находится в долгосрочной аренде всего 15% от общей площади лесного фонда. А пожар границ не знает. Во-вторых, Минпромторг России, который регулирует деятельность лесного сектора экономики, выступает категорически против обременения арендаторов дополнительными платежами за страхование лесов. И СЛЛР поддерживает эту позицию.

Может, тогда платить государству – как владельцу лесов? Но здесь уже Минфин России наотрез отказывается слышать разговоры о том, что нужны дополнительные деньги на содержание и без того дотационной отрасли.

Что же делать? Рабочая группа, созданная в Рослесхозе для разработки конкретных предложений по внедрению в отрасли действенных механизмов страхования лесов, должна представить проект решения в Белый дом уже этой осенью. «На наш взгляд, наиболее выгодным для всех сторон способом страхования стало бы создание фонда, – считает вице-президент СЛЛР. – Это один из видов самострахования, когда часть арендной платы шла бы в фонд, что не создаст дополнительного обременения ни для бизнеса, ни для власти. Средства из этого фонда могли бы идти не столько на компенсацию убытков, полученных в результате пожаров, сколько как раз на субсидирование затрат на пожаротушение, компенсацию ущерба путем создания лесных культур. Такой действенный и не затратный для всех сторон способ достаточно прост в управлении и применении».

Следующий вопрос – от чего можно застраховать лес? По словам Сергея Закройщикова, страхование осуществляют от рисков, носящих случайный характер – пожаров, стихийных бедствий, включая ураганы, ветровалы, ледяные дожди, повреждения древесины любыми вредителями. Страховая защита должна распространяться на живые деревья, растущие на установленном в договоре аренды участке, которые обладают соответствующим коммерческим качеством, а также на молодые посадки и расходы, необходимые для искусственного лесовосстановления. По соглашению сторон также может быть осуществлено страхование дополнительных рисков. К таким, например, можно отнести перерывы в производстве, увеличение стоимости работ из-за невозможности предоставить древесину покупателю, очистку территории от выгоревших деревьев, страхование гражданской ответственности.

Говоря о цене страховки, Сергей Закройщиков обращает нас к опыту соседней Финляндии – там страхование леса, в зависимости от набора страховых рисков, составляет от 0,5 до 6 евро за гектар/год. «Стоимость страхования во многом будет зависеть от региона (статистики по нему) и объема заявляемого на страхование участка лесного фонда, – считает Ирина Ануфриева. – Тарифы могут быть от 1–2%. Мы видим потребность в страховании лесов как со стороны государства, так и со стороны лесопользователей (по крайней мере, крупнейших), от которых неоднократно поступали запросы на расчет страховой премии по страхованию участков лесного фонда. Страховому рынку этот вид страхования, безусловно, интересен, но на данный момент у нас нет возможности разрабатывать программы страхования, которые действительно

защищали бы интересы лесопользователей и имели бы приемлемую стоимость, т.к. отсутствует нормативная база, позволяющая создать качественный страховой продукт».

Еще одной проблемой является определение страховой стоимости лесного фонда для целей страхования. «На данный момент только государство может разработать инструмент по развитию страхования лесов за счет формирования нормативной базы, унифицирующей программы страхования лесного фонда и предоставляющей возможность страхователю (а не государству) получать страховое возмещение, – полагает Ирина Ануфриева. – Также, в качестве первого шага, стоит ввести субсидирование части затрат на страхование лесного фонда из бюджетных средств. Возможно, чтобы сдвинуть этот вопрос с мертвой точки, можно начать с программ, которые позволят компенсировать затраты на тушение пожаров и восстановление лесов».

Эксперты рабочей группы Рослесхоза по разработке механизмов страхования лесов на самом раннем этапе консультаций отказались от идеи усредненного подхода в силу значительных отличий работы лесного хозяйства в регионах. По каждому субъекту РФ расчет будет дифференцирован. Следующий вопрос: какую стоимость леса принимать для расчетов – стоимость восстановления, рыночную стоимость реализуемых лесоматериалов или стоимость аренды участка леса? До сих пор был подход: если на тысячу рублей сгорело леса, государству и надо компенсировать эту тысячу. Сейчас уже речь идет о том, что нужна не просто компенсация, а полное возмещение средств на то, чтобы получить такой же объем древесины. То есть надо просчитать весь процесс лесовыращивания – от создания лесных культур до спелого древостоя. «Необходимо найти баланс между дополнительной финансовой нагрузкой лесопользователя, размером компенсации ему ущерба, интересами собственника, то есть государства, и экономической выгодой страховой компании», – считает Артем Савко.

Рискованное лесопользование

При разработке национальной системы страхования лесов многие эксперты любят кивать на Запад, где этому институту лесных отношений не один десяток лет. Однако забывают, что, пожалуй, самым важным препятствием на пути широкого продвижения страхования в лесном хозяйстве России является сложный вопрос – собственности.

Тимур Иртуганов считает, что страхование расцветет само, без особых указаний сверху, когда лес будет в частных руках: «Когда человек является хозяином имущества, у него уже не возникает вопрос: надо его страховать или нет, ведь хеджирование рисков (от англ. hedge – страховка, гарантия) – основа любого бизнеса». «Введение частной собственности на лес изменило бы отношение отдельных участников лесных отношений к вопросам страхования лесов, – соглашается Артем Савко. – Пока мотивировать бизнес заниматься страхованием добровольно достаточно сложно».

Но здесь срабатывают и другие факторы. Сергей Закройщиков уверен, что главным тормозом является не отсутствие частной собственности на леса, а отсутствие государственного понимания важности грамотного, рачительного управления лесом, стремления сохранять баланс между экономическими, социальными, культурными и природными ценностями, которыми обладает лес. Ему вторит Ирина Ануфриева: «Здесь вопрос больше не в отсутствии частной собственности на леса, а в отсутствии нормативной базы, позволяющей страховщику выплачивать страховое возмещение заинтересованному лицу, понесшему убытки. Арендатору лесного участка нет смысла страховать его, т.к. он, с одной стороны, может продолжить вырубку на другой (не пострадавшей) части участка и по договору аренды в любом случае обязан нести расходы по восстановлению леса, при этом он не имеет права на получение страхового возмещения. Страховщик не может выплатить страховое возмещение и государству, поскольку государство не понесло фактического ущерба. Замкнутый круг. Если бы арендатор имел право на получение возмещения, все было бы, безусловно, проще».

Тем не менее, эксперты едины в одном: страхование может стать еще одним инструментом повышения управляемости лесами. Дело в том, что полис будет стоить намного дороже, если на застрахованном участке леса нет должной охраны лесов от пожаров, браконьеров, древостой в нем болен, а владелец или арендатор не занимается ни профилактикой, ни лечением. Так что стоимость страховки может косвенно влиять на то, чтобы бизнес занимался лесным хозяйством в полном объеме – от качественного лесовосстановления до надежной системы охраны и защиты лесов.

Источник: Российские лесные вести, 26.09.11

Автор: Якубов И.